

И. Некрасов

**Зарождение национальной литературы в
Северной Руси**

Часть 1

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Некрасов**
Зарождение национальной литературы в Северной Руси: Часть 1 / И. Некрасов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 224 с.

ISBN 978-5-4241-9676-8

Зарождение национальной литературы в Северной Руси

ISBN 978-5-4241-9676-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ческіе факты. Но нѣкоторые изъ изучавшихъ бытъ народа древней Руси не признавали большаго значенія за жизнеописаніями, какъ источниками для исторіи или полагали, что они мало могутъ пополнить исторію. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнеописанія могутъ дать историческій матеріалъ только для нѣкоторыхъ сторонъ быта, но за то могутъ служить исполненіемъ нѣкоторыхъ фактовъ и, какъ памятники историко-литературные, легко могутъ освѣтить нѣкоторые вопросы исторіи. Ѡ. И. Буслаевъ въ своихъ разборахъ нѣсколькихъ жизнеописаній, обративши вниманіе ученой литературы на нѣкоторыя бытовые подробности, заключающіяся въ житіяхъ, напр. касающіяся юридическаго быта древней Руси, положительно сталъ противъ историковъ и утверждалъ, что жизнеописанія составляютъ самый важный источникъ для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ ¹⁾. Мы съ своей стороны указывали въ то время на отдѣлъ чудесъ при жизнеописаніяхъ, какъ на самый крупный источникъ для исторіи болѣзней ²⁾, а потомъ какъ примѣръ того, что могутъ дать жизнеописанія для характеристики *жены* и *матери* въ древней Руси, мы собрали изъ нихъ всѣ мелкія данныя ³⁾, равно какъ и для характеристики нравственной стороны древнерусскаго иконописца ⁴⁾. Кажется болѣе всего помирила историковъ съ жизнеописаніями, какъ матеріаломъ историческимъ, высказанная Ешевскимъ мысль о томъ, что этотъ источникъ можетъ дать многое для исторіи колонизаціи въ великой и сѣверной Руси. Но если за жизнеописаніями въ настоящее время признается значеніе такихъ памятниковъ, изъ которыхъ исторія можетъ извлечь для себя многое, то

---

¹⁾ См. Отчетъ о тридцати первомъ присужденіи Демидов. наградъ стр. 149.

²⁾ См. Русскую Рѣчь за 1861 г. № 40.

³⁾ Филологич. Записки 1864 г. вып. III стр. 103—112.

⁴⁾ Древности Археологич. Вѣстник. IV вып.

далеко еще то время, когда за фактъ извлеченный изъ этого источника можно будетъ ручаться, какъ за вполне достовѣрный. Тотъ скептицизмъ, съ которымъ до сихъ поръ наши историки относились къ этому роду источниковъ, имѣлъ свое серьезное основаніе, потому что при заманчивости историко-литературныхъ данныхъ не трудно построить гадательный, но не достовѣрный бытъ нашей древней Руси. Неговоря уже о томъ, что жизнеописанія дошли до насъ въ громадномъ количествѣ списковъ, что ихъ самихъ дошло къ намъ огромное количество, что самыя редакціи жизнеописаній очень разнообразны, мы полагаемъ, что, не опредѣливши вполне общаго характера этихъ редакцій и ихъ составителей, нельзя съ увѣренностью приступать къ тому, что бы пользоваться фактами изъ нихъ, какъ достовѣрными. Въ этомъ случаѣ болѣе достовѣрными въ историческомъ отношеніи мы считаемъ такъ называемыя народныя редакціи, принимая ихъ не въ смыслѣ легенды или сказаній и преданій составившихся въ народѣ объ извѣстномъ лицѣ, а въ смыслѣ сказанія, записаннаго языкомъ народнымъ. Такой писатель, который излагалъ древне-русское сказаніе языкомъ народнымъ, скорѣе всего, какъ зеркало, могъ отразить дѣйствительность, потому что у него небыло условныхъ выраженій, которыми бы онъ скрылъ или затемнилъ свою мысль, или украсилъ въ силу своей начитанности. Таково сказаніе о Михаилѣ Клопскомъ, разбору котораго мы посвящаемъ цѣлую главу. Этотъ народный языкъ, встрѣчающійся по мѣстамъ и въ искусно составленныхъ позднихъ редакціяхъ, даетъ описываемымъ фактамъ много достовѣрности. Нѣтъ сомнѣнія; что такое положеніе можетъ служить одною изъ первыхъ исходныхъ точекъ при пользованіи жизнеописаніями, какъ памятниками историческими. Но такихъ исходныхъ пунктовъ для историка въ этомъ случаѣ требуется очень много. А потому мы полагаемъ, что надъ жизнеописаніями прежде

всего должна быть произведена всесторонняя литературно-критическая разработка, без которой возможна только выборка болѣе или менѣе интересныхъ разсказовъ, не имѣющихъ полной исторической достовѣрности. Если въ послѣднее время историки чувствуютъ нужду въ разработкѣ состава самыхъ лѣтописей, источниковъ безъ сомнѣнія имѣющихъ за собою полную силу достовѣрности, то что же говорить о предварительной критической разработкѣ этого во многомъ не историческаго источника, какъ жизнеописанія. Теперь ясно, что начать вновь переработку древняго періода нашей исторіи можно только тогда, когда литература выяснитъ главныя нити умственной и нравственной жизни, когда литературная критика, очистивъ матеріалъ, укажетъ на дѣйствительно историческіе факты. А потому, занимаясь именно этого рода памятниками, въ настоящее время мы пришли къ тому убѣжденію, что прежде всего должны быть рѣшены критикою литературные вопросы, основанные на изученіи жизнеописаній. Какъ примѣръ того, что могутъ дать эти памятники для исторіи литературнаго дѣла мы указали въ нашей статьѣ «Древнерусскій литераторъ»¹⁾, а настоящее изслѣдованіе мы желаемъ посвятить критическому обзору одного отдѣла этихъ памятниковъ.

Хотя и очень недавно обращено сколько нибудь вниманія на литературную сторону жизнеописаній, но уже Карамзинъ оставилъ намъ короткій отзывъ о литературной сторонѣ жизнеописанія Данила Переяславскаго, сказавъ, что оно написано «не безъ вкуса, умно и пріятно»²⁾. На эти

---

¹⁾ Бесѣды общ. любит. Рус. слов. 1 вып. 1867 г.

²⁾ И. Г. Р. Т. VII стр. 226. Точно также Карамзинъ, характеризуя послѣднія дни жизни Ивана Ивановича, приводитъ предисловіе изъ составленнаго послѣднимъ жизнеописанія Антонія Сійскаго и при этомъ замѣчаетъ, что жизнеописаніе составлено «не очень красиво и складно, однакожь по точности пріятно» (ib. IX т. примѣч. 612).

памятники, какъ на произведенія принадлежащія литературѣ, взглянулъ и первый излагавшій курсъ Русской литературы, профессоръ Шевыревъ. Но такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ онъ вносилъ безъ историко-литературной критики, то это и было замѣчено Ѳ. И. Буслаевымъ, который установилъ общій взглядъ на жизнеописанія, какъ на литературные памятники. Имѣя въ виду занимающихся Русскою исторіей, онъ старался поставить на видъ значеніе этихъ памятниковъ, какъ источниковъ для исторіи Русской культуры, имѣя въ виду историковъ Русской церкви, отказывавшихся отъ той части этихъ памятниковъ, которые внесли въ себя слишкомъ много фантастическаго или литературнаго элемента, онъ призналъ все это какъ матеріалъ, который долженъ войти въ исторію Русской литературы, почему особенно остановился и съ особенною симпатіей отнесся къ тому отдѣлу этихъ памятниковъ, который имѣетъ сходство съ легендами Западными и заключаетъ въ себѣ обломки преданій, имѣющихъ сходство съ мифологіей Нѣмецкой, хотя въ отдѣлѣ этихъ памятниковъ самая незначительная доля такихъ, которые посвящены этому содержанію. Имѣя въ виду опредѣленіе чисто литературной стороны, онъ высказалъ, что первая редакція жизнеописанія *»народная, существенно-отличающаяся большею свободою фантази«* ¹⁾, что народная редакція, будучи записана книжникомъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторую литературную порчу; а также, на оборотъ, и литературная редакція, будучи составлена на основаніи устныхъ рассказовъ, содержитъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи *»народныхъ преданій«* ²⁾ что примѣромъ такой редакціи можетъ служить рассказъ о

---

¹⁾ Историч. очерки нар. Р. Слов. II ч. 172 стр.

²⁾ ib 173 стр.

Меркуріи Смоленскомъ, въ которомъ онъ представляется Русскимъ героемъ съ мифическимъ концемъ ¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическія преданія, создавшіяся въ народѣ, въ высшей степени важны; но въ этомъ отдѣлѣ памятниковъ ихъ такъ мало, что больше заявленнаго въ литературѣ очень немного найдется еще, а потому самому они не могутъ составить особаго отдѣла редакцій. А въ то же самое время есть редакціи, которыя нельзя не назвать народными, хотя онѣ и не отличаются свободою фантазіи. Если же мы положимъ въ основаніе первой редакціи народное преданіе безъ всякаго отношенія къ редактировавшему его писателю, а въ основу второй книжную, искусно-составленную, то какъ съ одной стороны мы не будемъ имѣть прочной основы для дѣленія редакцій, такъ съ другой стороны пропадетъ промежуточная, переходная ступень между ними, а потому мы полагаемъ, что матеріалъ для разныхъ редакцій могъ быть народный и не народный, а самая редакція зависѣла уже отъ писателя. Характеризуя литературное изложеніе жизнеописаній, Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ: *»жизніе краткое, какъ летописная основа, впоследствии распространялось различными подробностями, интересными для исторіи русскаго быта и литературы. Очепь часто простая рѣчь краткаго первоначальнаго житія принимала характеръ витіеватый и даже напыщенный подѣ перомъ искуснаго книжника«* ²⁾). Хотя этотъ короткій отзывъ и характеризуетъ намъ черты литературнаго изложенія двухъ видовъ одного и того же рода редакцій, видоизмѣнявшихся съ теченіемъ времени, но онъ ничего не упоминаетъ о самомъ важномъ, объ отношеніи къ редактируемому матеріалу, именно о редакціи народной, т. е. изложенной языкомъ народнымъ или предшествующей вся-

---

¹⁾ ib.

²⁾ ib. стр. 97.

кому искусному изложению. Профессоръ Шевыревъ въ IV ч. своей исторіи Русской словесности въ 1860 году между прочимъ высказалъ слѣдующее сожалѣніе: »житія святыхъ первоначально слагались по преданіямъ изустнымъ *простою рѣчью*, но что потомъ этотъ безыскусственный матеріалъ поступалъ въ руки какаго-нибудь смышленнаго ритора, который украшалъ его цвѣтами школьнаго краснорѣчія. *Драгоценнѣе были бы для насъ эти простыя первоначальныя преданія но, къ сожалѣнію, ихъ не сохранили хартіи*, а развѣ живутъ они еще въ устахъ народа около тѣхъ обителей, гдѣ подвизались святые¹⁾. Въ этихъ словахъ дѣйствительно заключается характеристика редакціи народной или лучше мы назовемъ ее первичной. Эти-то редакціи дѣйствительно составляютъ цѣлый отдѣлъ литературный, который, по языку и изложенію, рѣзко выдѣляется отъ редакцій искусственныхъ, не народныхъ.

Принимаясь за изученіе отдѣла жизнеописаній, мы и мечтать не могли, чтобы отдѣлъ первичныхъ редакцій могъ составить предметъ особаго изслѣдованія по совершенному отсутствію матеріаловъ. Многіе намеки, мелочи, служившіе кое-какими указаніями на этотъ важный отдѣлъ литературы, когда-то существовавшій, не могли по временамъ не оставаться нашего вниманія на себѣ. Въ послѣднее время намъ посчастливилось найти одну изъ такихъ первичныхъ хартій, о потерѣ которыхъ съ такимъ сожалѣніемъ говорилъ профессоръ Шевыревъ, а это привело насъ къ попыткѣ сдѣлать реставрацію этого изгнбшаго отдѣла нашей литературы.

Занимаясь отдѣломъ жизнеописаній во многихъ нашихъ древлехранилищахъ, мы не могли не обратить особеннаго вниманія на тѣ оговорки писателей, которыя сохранились

---

¹⁾ Стр. 57.

въ очень многихъ жизнеописаніяхъ. Нашъ древнерусскій писатель въ этомъ родѣ памятниковъ постоянно оговаривается, взялъ ли онъ свой рассказъ изъ старыхъ монастырскихъ записокъ, изъ предшествовавшей его составленію редакціи или писалъ по рассказамъ и кто ему рассказывалъ, монахи ли или близкіе родственники, въ какомъ порядкѣ рассказывали и какихъ рассказовъ онъ искалъ и не нашелъ, и какъ знали тѣ, которые рассказывали ему, видѣли ли сами, слышали ли и отъ кого слышали. Въ числѣ этихъ то оговорокъ, которыя своимъ значительнымъ количествомъ довольно рѣзко выдѣляютъ наши памятники изъ всѣхъ однородныхъ съ ними и въ кievскомъ періодѣ ¹⁾ и въ литературѣ славянской и въ литературѣ западной, исключая древне христіанскихъ актовъ мучениковъ. Въ числѣ этихъ то оговорокъ встрѣчается довольно много указаній и на существовавшія первичныя редакціи. Указанія или оговорки эти, на сколько они относятся къ первичнымъ редакціямъ, двухъ родовъ. Въ указаніяхъ одного рода мы встрѣчаемъ прямыя и положительныя извѣстія объ этихъ раннихъ записяхъ, что они были писаны языкомъ простымъ разговорнымъ и при этомъ писатель постоянно говоритъ свысока объ этихъ литературныхъ произведеніяхъ, такъ что подобныя указанія можно принимать за вполне достовѣрныя. Другія указанія касаются болѣе слога и изложенія, характеризуюя литературныя недостатки именно съ этой стороны, но и при такихъ указаніяхъ нерѣдко есть возможность предполагать, что съ этою

---

¹⁾ Правда есть подобныя оговорки и въ жизнеописаніи Бориса и Глѣба: «велика слышахъ отъ нѣкихъ христолюбцевъ то и исповѣда» (Акад. Изв. II т. стр. 120) и въ жизнеописаніи Владиміра Св. «слыша отъ многихъ о благовѣрномъ князѣ Владимірѣ» (ib. I т. 328 стр.), какъ и въ патерикѣ Печерскомъ «отъ тѣхъ свидѣтелей святыхъ и самовидцевъ блаженныхъ старцевъ» (ib. III т. 70 стр.), но всѣ эти оговорки слишкомъ незначительны, бѣдны и темны.

характеристикою соединяется понятіе о первичной редакціи. Понятно, что мы не относили къ первичнымъ редакціямъ всѣхъ тѣхъ сказаній, о которыхъ сохранились подобныя отзывы, но не можемъ не признать нѣкоторыхъ изъ нихъ и тѣмъ болѣе, что всякое умѣнье и искусство литературное въ древней Руси тѣсно было соединено съ языкомъ церковно-славянскимъ, тогда какъ меньшая степень умѣнья всегда вела къ сближенію съ языкомъ народнымъ. Авторъ обзора духовной литературы, не обративъ вниманія на эти оговорки, встрѣчающіяся въ нашихъ жизнеописаніяхъ, пропустилъ такимъ образомъ цѣлый отдѣлъ, когда то существовавшій въ нашей литературѣ. Г. Чистовичъ, разбирая этотъ обзоръ духовной литературы, изъ рукописей Софійской библіотеки и С.-Петербургской духовной академіи, приводитъ нѣсколько выписокъ изъ жизнеописаній, имѣющихъ содержаніемъ своимъ именно указанія на раннія редакціи жизнеописаній ¹⁾. Нѣсколько сдѣланныхъ такимъ образомъ указаній, хотя и не могли привести къ заключенію о цѣломъ когда то существовавшемъ, но изгбшемъ литературномъ отдѣлѣ древней Руси, но не могли не обратить на себя вниманія, какъ литературныя указанія. Преосвященный Филаретъ въ опытѣ описанія жизни Русскихъ Святыхъ приводитъ въ своихъ примѣчаніяхъ нѣсколько выписокъ изъ рукописей, въ которыхъ также находятся нѣкоторыя указанія на существовавшія раннія редакціи, но и на этотъ разъ онъ не выясняетъ значенія этихъ раннихъ редакцій ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи. Впрочемъ не обошелъ своимъ вниманіемъ этихъ оговорокъ и указаній нашъ покойный библіографъ Ундольскій. Въ своемъ разборѣ описанія рукописей библіотеки общества исторіи и древностей ²⁾,

¹⁾ Извѣс. акад. наукъ VI т.

²⁾ Москвит. 1846 года № 2.

онъ довольно много останавливается на тѣхъ мѣстахъ изъ жизнеописаній, которыя именно имѣютъ предметомъ указанія и отзывы о раннихъ редакціяхъ. Въ этой то, въ высшей степени замѣчательной статьѣ, онъ познакомилъ литературу съ тѣми классическими оговорками, которыя находятся при жизнеописаніи Зосимы и Савватія Соловецкихъ. На эти именно оговорки въ извлеченіи Ундольскаго ссылались и Шевыревъ и другіе наши ученые. Но во всякомъ случаѣ въ этихъ библиографическихъ указаніяхъ заключается только очень малая доля указаній изъ цѣлаго ихъ матеріала. Большая же часть такого матеріала, какъ и самыхъ жизнеописаній заключается въ рукописяхъ нашихъ древнехранилищъ. Что касается до самыхъ древнехранилищъ то такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ находится очень большой процентъ списковъ жизнеописаній сравнительно съ другими отдѣлами нашей литературы, то каждая изъ такихъ библиотекъ представляетъ довольно большой источникъ для указаній на первичныя редакціи. Впрочемъ, такъ какъ болѣе поздно составленныя книгохранилища нашей старины заключаютъ въ себѣ и болѣе жизнеописаній, то они и болѣе даютъ указаній, каково отдѣленіе Погодина въ Импер. Публ. библ., собраніе Ундольскаго принадлеж. Московскому публичному музею и графа А. С. Уварова, который благосклонно позволилъ намъ воспользоваться его богатымъ собраніемъ. А такъ какъ въ этомъ отношеніи важнѣе всего самыя полныя жизнеописанія съ введеніями и послѣсловіями, то жизнеописанія такого полнаго состава чаще всего встрѣчаются или въ отдѣльныхъ спискахъ или въ сборникахъ, называющихся житейниками. Но жизнеописаній въ отдѣльныхъ спискахъ почти не дошло до насъ отъ XV в. Впрочемъ Ундольскій въ своемъ каталогѣ еще ненапечатанномъ претендуетъ на два такихъ списка, посвященныхъ жизнеописанію Сергія Радонежскаго. Судя потому, что жизнеописанія рано составлен-

ныя не сохранили никакихъ указаній на существовавшія до нихъ первичныя редакціи, нужно полагать, что и первичныхъ редакцій не было до XV вѣка, по крайней мѣрѣ въ жизнеописаніяхъ, составленныхъ въ XV вѣкѣ мы не находимъ такихъ указаній, которыя бы служили опроверженіемъ высказанной нами мысли. Отъ этого вѣка мы имѣемъ только оговорки, какія оставилъ намъ Пахомій Сербъ, но онъ ни разу не говоритъ того, чтобъ пользовался какими нибудь старыми хартіями, писанными языкомъ народнымъ. Точно также и всѣ другіе списатели XV в. не дѣлаютъ никакихъ указаній на XIV вѣкѣ. А потому ни прологи XV вѣка, ни минеи ¹⁾ не могутъ дать намъ въ этомъ случаѣ никакихъ матеріаловъ. Даже Макарьевскія чети минеи немного вмѣстили въ себя такихъ жизнеописаній, которыя составлены на основаніи первичныхъ редакцій XV вѣка. Много тронута было этихъ монастырскихъ хартій, когда Макарій сдѣлался митрополитомъ Московскимъ. А потому отъ XVI вѣка сохранилось довольно и отдѣльныхъ списковъ жиз-

---

¹⁾ До сихъ поръ Миней Макарьевскія по времени своего состава считались первыми Русскими минеями, но 1-хъ Кирил. бѣлозер. библиот. имѣетъ 2 №№ чети миней XV вѣка, изъ которыхъ въ одномъ находится житіе Сергія Радонежскаго и Никона; 2-хъ бывшая библиотека Соловецкаго монастыря имѣетъ одинъ № четиминей XV вѣка, писанный въ 1494 году и заключающій въ себѣ жизнеописанія Алексѣя митрополита, Дмитрія Вологодскаго, Игнатія Ростовскаго, Леонтія Ростовскаго, Петра митрополита, Саввы Виперскаго, Сергія Радонежскаго. (№ 518); въ библиотекѣ Ундольскаго находится одинъ № четиминей XV вѣка, написанный въ Троицкой лаврѣ, въ 1497 году и содержитъ въ себѣ сказаніе о построеніи успенскаго собора, слово похв. Петру митрополиту и сказаніе объ иконѣ Владимірской (№ 232); въ библиот. Волоколамской находится № четиминей XV—XVI вѣка, въ которомъ встрѣчается жизнеописаніе Петра митрополита (№ 593). Судя по тому содержанію, которое мы перечислили ясно, что составъ этихъ миней принадлежитъ мѣстности Ростовско-Московской и можетъ быть Троицкой Лаврѣ. Но несомнѣнно то, что Москва такимъ образомъ имѣла свою редакцію четиминей раньше Новгородскаго состава Макарьевскаго. Гораздо труднѣе рѣшить, гдѣ составлялись тѣ минеи до Макарьевскаго состава, которые въ числѣ 4-хъ №№ сохранились въ Синод. библиотекѣ, въ Московск. области или Новгородской.